

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 327.82

DOI: 10.17223/19988613/75/12

Е.В. Гамерман

УГРОЗЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Проанализированы современные угрозы традиционной военной безопасности в Северо-Восточной Азии. Сделан вывод о том, что данный субрегион является уникальным и что угрозы военной безопасности никуда не исчезли с повестки дня. В число наиболее актуальных и злободневных угроз выделены северокорейская ракетно-ядерная программа, территориальные внутрирегиональные межгосударственные споры, а также многочисленные военные учения, переформатирование вооруженных сил стран региона (и государств-союзников).

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Китай, военная безопасность, угрозы безопасности, «Корейский вопрос», территориальные споры, военные учения, региональная безопасность, США, Россия

В 1990–2000-е гг., в период распада биполярной системы, окончания холодной войны и начала процесса построения нового мирового порядка, стала возникать иллюзия того, что угрозы военной безопасности стали отходить на «второй план», что они остались пережитком прошлого, в том числе века двадцатого, но никак не двадцать первого. Отсюда и появление значительного числа теорий, обосновывающих большую актуальность на данный момент угроз невоенного характера (в частности, теория секьюритизации).

Однако, как показало дальнейшее развитие международных отношений, в особенности во втором десятилетии XXI в., угрозы военной безопасности все еще актуальны и злободневны. И их еще очень рано списывать со счетов.

Ракетно-ядерная программа Корейской Народно-Демократической Республики и угрозы безопасности

Одной из самых острых угроз не только региональной, но и глобальной безопасности является проблема Северной Кореи, а точнее, ядерной и ракетной программы этой страны.

Так называемый Корейский вопрос берет свое начало в 1950-е гг., когда по итогам Корейской войны полуостров был разделен на два государства, по одному в каждом лагере существовавшей биполярной системы международных отношений.

После падения Берлинской стены и исчезновения с политической карты одного из противоборствующих лагерей на повестку дня встал вопрос об интеграции «старых» и «новых» государств из социалистического лагеря в систему международных отношений постбиполярного периода (и трансформации самой системы). Государства Центральной Европы, за исключением Югославии, достаточно безболезненно пережили этот период в силу развитой институциональной среды и политической воли руководителей стран объединяющейся Европы. Однако в остальных регионах мира

никакой плавной интеграции не произошло. Китай смог «вписаться» в новую, трансформирующуюся мир-систему только благодаря своей экономической политике и постепенному превращению в экономического гиганта. КНДР по такому пути пойти не могла даже чисто теоретически. Оставшись без экономической помощи и политической поддержки на международной арене со стороны СССР, в 1990–2000-е гг. Пхеньян постепенно скатился до роли «изгоя» мировой политики и экономического маргинала. По целому ряду экономических показателей Северная Корея опустилась на одни из самых худших позиций в мире. Страна оказалась в ситуации, близкой к гуманитарной катастрофе [1].

В 2011 г. умер лидер КНДР Ким Чен Ир, проводивший в последние годы жизни достаточно умеренную политику. К власти пришел его сын – молодой, тщеславный и амбициозный Ким Чен Ын. Новый правитель решил активизировать попытки решить внутренние и внешние проблемы своей страны. В 2012 г. Северная Корея осуществила космические запуски, войдя в клуб космических держав, нарушив тем самым сразу две резолюции Совета безопасности ООН (2000 и 2009 гг.). Это вызвало всплеск недовольства международного сообщества. А в феврале 2013 г. КНДР успешно провела ядерное испытание (третье в своей истории). В том же году был аннулирован договор о ненападении с Республикой Корея, подписанный в 1953 г. Совет безопасности ООН начал расширять уже имеющиеся санкции против северокорейского режима. Корейский полуостров был вновь поставлен в условия приближающихся военных действий. Однако противодействие международного сообщества несколько не умерило «активность» Ким Чен Ына по созданию ядерного оружия.

В целом можно сказать, что начиная с 2006 г. уровень противостояния и санкционной войны против КНДР все время возрастает. Так, в 2006 г., после первого в истории страны испытания ядерного оружия

Северной Кореей, была принята резолюция СБ ООН № 1718, которая потребовала прекратить испытания и запретила экспорт ряда наименований военной техники. В 2009 г. (после второго испытания) резолюция СБ ООН № 1874 расширила эмбарго на поставки оружия. В 2013 г. последовали резолюции СБ ООН № 2087 и 2094 – о необходимости досмотра всех судов, направляющихся в КНДР (на предмет запрещенных товаров), и ограничениях в отношении денежных переводов в эту страну. А после четвертого ядерного испытания в 2016 г. приняты резолюции № 2270 и 2321 – о запрете экспорта из Северной Кореи золота, серебра, ванадия, титана, редких металлов, угля, меди, никеля, цинка. Однако это не остановило северокорейское руководство, и ядерные испытания продолжились. В сентябре 2017 г. было проведено уже шестое полноценное ядерное испытание и было объявлено о создании в КНДР термоядерного оружия. В августе и сентябре 2017 г. были приняты новые резолюции СБ ООН № 2371 и 2375 – о запрете экспорта из Северной Кореи железа, свинца, морепродуктов, текстиля, газового конденсата, запрещении труда северокорейских граждан в зарубежных странах, а также импорта в Северную Корею нефти и нефтепродуктов и создания совместных предприятий с участием северокорейского капитала. Вводились также санкции отдельных государств – США, Австралии, Японии, Республики Корея, стран ЕС [2].

Однако ситуация с санкциями не выглядит однозначной по своим позитивным последствиям. С одной стороны, по состоянию на 2017 г. 116 из 193 стран – членов ООН не представили свои доклады об осуществлении и исполнении введенных санкций. Это позволяет предположить возможность их соблюдения не всеми государствами либо не столь рьяное их исполнение (руководствуясь принципами экономической выгоды). С другой стороны, за 12 лет санкций стало абсолютно очевидно, что предпринятые меры не наносят особого ущерба ядерной программе КНДР (тем более что лазейки сохранились), но очень серьезно ухудшают положение простых северокорейских граждан, неся в себе угрозы продовольственной, энергетической, миграционной безопасности, поставив страну на грань гуманитарной катастрофы [3].

Ситуация значительно осложнилась с победой Дональда Трампа на президентских выборах в США. Несмотря на то, что руководители двух стран (США и КНДР) – представители разных культур, политических систем, идеологий и даже поколений, политики во многом очень похожи. Оба очень эмоциональны, экспрессивны, непредсказуемы и неуправляемы, слабо поддаются влиянию своего окружения. В 2017 г. между политиками начался обмен оскорблениями личного характера (от «сумасшедшего» до «шизофреника» и угроз начала военных действий в самое ближайшее время с «бряцаньем» оружием и другой атрибутикой). Мир вновь был поставлен на грань ядерной катастрофы, как и в годы холодной войны. Однако война так и не началась. И, судя по всему, пик конфронтационной активности пройден, и ситуация дальше будет развиваться по нисходящей.

В 2017–2018 гг. с осуждением действий Пхеньяна выступили и традиционные сторонники КНДР и режима Чучхэ – Китай и Россия. О приверженности санкциям заявила Россия, реально прекратив трудовую деятельность северокорейских граждан на своей территории и ограничив поставки нефтепродуктов и газоконденсата, однако призвав к решению всех сложных вопросов за столом переговоров. А с 2018 г. реальные действия по исполнению международных обязательств предпринял и Китай. Так, был полностью прекращен экспорт железа, стали, драгоценных металлов, остановлена торговля промышленным оборудованием и транспортными средствами, значительно сокращены поставки нефтепродуктов, минералов, химических товаров и оборудования [4].

Ситуация в экономической, социальной, энергетической, продовольственной сферах стала близкой к критической. Однако можно констатировать, что на начало 2018 г. Северная Корея стала де-факто обладателем ядерного и термоядерного оружия и носителей, способных доставить боеголовки, в том числе и на территорию США. Так, по словам В.В. Путина, «Ким Чен Ын решил свою стратегическую задачу: у него есть ядерный заряд, есть ракета глобальной дальности (до 13 тыс. км), которая может достичь почти любой точки на территории противника. Он показал себя как грамотный и зрелый политик». При этом российский президент призвал к денуклеаризации корейского полуострова посредством диалога [5].

Необходимо констатировать, что данный этап противостояния остался за Пхеньяном. Сколько бы Вашингтон ни угрожал, ни говорил о подготовке к вторжению и ни принимал санкции – КНДР все-таки добилась своей цели.

Сегодня можно говорить о начале следующего этапа конфронтации. В 2018 г. руководитель Северной Кореи резко изменил свою стратегию как по отношению к ближайшим соседям, так и в более глобальном масштабе. Формальным поводом для этого послужило проведение Зимних Олимпийских Игр в Республике Корея (г. Пхёнчхан). Так, в январе 2018 г., неожиданно для всех, Ким Чен Ын выступил с инициативой о совместном выходе на церемонии открытия с командой Южной Кореи под единым флагом (белый, с голубым силуэтом Корейского полуострова). И действительно, две Кореи прошли вместе под единым флагом (впервые за 12 лет) и, кроме того, выставили единую команду двух государств в женском хоккейном турнире, а 22 спортсмена из КНДР получили приглашение от МОК на Олимпиаду сверх квоты. Участие Северной Кореи в ОИ, общий выход под единым флагом, болельщики из этой страны, а также официальная делегация во главе с сестрой северокорейского лидера стали самыми обсуждаемыми событиями Олимпиады, наряду с дисквалификацией российской сборной. Но если в случае с РФ это был негативный информационный повод, то для КНДР – как раз наоборот, позитивный, что стало своеобразной *Soft Power* от Северной Кореи, чуть ли не единственно возможной в сложившейся обстановке. Ким Чен Ын выжал из этого события максимум, ничего не потратив и ничем не поступившись.

Кроме того, было объявлено о желании провести переговоры лидеров двух стран (двух Корей), и данная встреча была намечена на 27 апреля 2018 г. [6].

Ким Чен Ын также объявил о желании встретиться с Президентом США – Дональдом Трампом (историческая встреча произошла 12 июня в Сингапуре). А в конце марта 2018 г. – тоже достаточно неожиданно – лидер Северной Кореи вместе с супругой совершил поездку в Китай, где провел переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином. Эта поездка стала первой зарубежной поездкой Ким Чен Ына с момента его вступления в должность и первым за семь лет визитом главы КНДР в Китай. После этого состоялось еще несколько встреч северокорейского и китайского лидеров [4].

Переговоры двух корейских государств ни к чему существенному не привели, однако позволили обеим сторонам «поставить галочку» о своих попытках объединить два государства и установить мир на полуострове. Также их проведение снизит «накал страстей» в международном сообществе и позволит целому ряду стран не так рьяно соблюдать санкции в отношении Пхеньяна, а то и вовсе от них отказаться.

Также в ближайшее время (1–1,5 года) можно ожидать от Китая или от России (или одновременно от двух государств) международных инициатив по созданию принципиально новых переговорных механизмов по проблеме Северной Кореи как под эгидой ООН, так и со стороны иных межгосударственных механизмов (БРИКС, ШОС). И здесь возможно два сценария. Согласно первому, Пекин и Москва постараются обойти США в этом вопросе, вовлекая только страны региона и, возможно, ЕС. Минус данного развития событий заключается в том, что американо-северокорейский конфликт так и останется вне рамок переговоров и не будет даже попыток его разрешить. Второй путь – Китай и Россия, наоборот, всеми возможными методами попытаются вовлечь Д. Трампа в новые механизмы (используя его слабые стороны – эмоциональность, импульсивность, зачастую нехватку знаний и отсутствие дипломатических талантов), отводя ему при этом второстепенную роль, сохраняя за собой инициативу. В любом случае уровень конфликтности на корейском полуострове будет постепенно снижаться, дойдя в конечном итоге до уровня 2011 г.

И Китай, и Россия будут наращивать свое присутствие в КНДР, и это станет как полем для взаимодействия, так и источником противоречий между ними. Пхеньян же, пользуясь как «малым противостоянием» между Россией и Китаем, так и «большим противостоянием» России и США, КНР и США, будет собирать определенные дивиденды. При этом де-факто ядерный статус КНДР будет сохраняться, несмотря на заявления Путина и Си Цзиньпина о приверженности принцип безъядерного статуса полуострова.

Одним из наиболее интригующих международных событий 2018 г. стала встреча двух лидеров – Дональда Трампа и Ким Чен Ына – в Сингапуре. Изначально эксперты гадали о месте проведения такой встречи – назывались и территории Республики Корея, и города российского Дальнего Востока (Хабаровск и Владиво-

сток), что было бы совсем уж экстравагантно даже для американского президента. В конечном итоге наиболее оптимальным вариантом для обеих сторон стал Сингапур. От этой встречи, имея в виду импульсивность обоих политиков, можно было ожидать чего угодно, вплоть до самых радикальных сценариев. Однако следовало понимать, что американо-северокорейский саммит был сенсацией только в плане самого факта встречи: стороны прекрасно осознавали, к чему им нужно стремиться и чего будет добиваться вторая сторона. США добивались реального свертывания всех ядерных и ракетных программ и начала процесса денуклеаризации северной части полуострова, а Северная Корея – снятия санкций и нахождения формулы реальных гарантий безопасности со стороны Вашингтона и его союзников. При этом вопрос объединения двух Корей вряд ли ставился на сколько-нибудь серьезном уровне. Задачи дипломатов обеих сторон очень непростые, поэтому переговорный процесс будет растянут на несколько лет, что в принципе «на руку» и тем и другим. Однако пока в обозримой перспективе реального компромисса не просматривается. Скорее, все закончится сохранением статус-кво [3].

Территориальные споры в Северо-Восточной Азии

Ситуация в Северо-Восточной Азии осложняется еще и наличием большого числа нерешенных территориальных споров – между Китаем и Японией (острова Сенкаку / Дяоюйдао), между Россией и Японией (острова Южно-Курильской гряды), между Китаем и Республикой Корея, между Республикой Корея и Японией. И компромиссы здесь вряд ли возможны. Учитывая особенности восточноазиатского видения мира и менталитета, негативное отношение большинства стран и народов к Японии, а также настороженность всех акторов региона к усиливающемуся с каждым годом Китаю, мирное разрешение этих споров в ближайшей и среднесрочной перспективе не просматривается, что создает серьезную угрозу региональной безопасности.

Территориальный спор между Китаем и Японией (а также между Тайванем, который тоже претендует на эти территории, и Японией) о принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао). Данный архипелаг расположен в 410 км от префектуры Японии Окинава и в 170 км от Тайваня. Самые крупные острова – Уоцури, Куба, Китако, Минамико, Тайсе (остальные фактически находятся под водой). Общая площадь – 6,3 кв. км. Острова впервые попали под юрисдикцию Японии в 1895 г. в результате японо-китайской войны и Симонсекского мирного договора 1895 г., по которому острова Сенкаку и остров Тайвань отошли Японии. После Второй мировой войны архипелаг до 1972 г. находился под временной юрисдикцией США, после чего был передан Японии. Китай считает данные острова исконно китайскими территориями. Спорные территории богаты рыбными ресурсами и залежами природных ископаемых. В частности, после исследований ООН в конце 1960-х гг. был сделан вывод о наличии запасов нефти и газа (по разным оценкам от 28 до 500 млрд кубометров углеводородов. Разработка

данных залежей может решить проблему энергодефицита Японии или существенно продвинуть решение схожей проблемы Китая. Также архипелаг имеет и очень важное стратегическое значение, так как обладание островами значительно расширяет гражданское и военное судоходство [7].

Впервые и Китай, и Тайвань заявили о своих притязаниях в 1971 г., когда встал вопрос о возвращении американцами данных территорий. В 1978 г., когда между Японией и Китаем был заключен договор о мире, дружбе и сотрудничестве, стороны договорились сохранять статус-кво. В 1992 г., во время визита Цзян Цзэминя в Токио, было принято решение отложить данную повестку на усмотрение будущих поколений. А в 2000-х гг. стороны вообще начали обсуждать возможность совместной разработки месторождений в районе данного архипелага. Однако ситуация резко изменилась в 2012 г. 11 сентября 2012 г. правительство Японии национализировало три острова архипелага — Уоцури, Китако и Минамико, проданные в частные руки еще в 1932 г. В Пекине данные действия были восприняты крайне негативно. По всей стране прокатилась волна антияпонских выступлений, были разгромлены японские магазины, сожжены автомобили. Сторожевые корабли Китая стали постоянно находиться вблизи Сенкаку и периодически совершать заходы в прибрежную зону (от 7 до 28 раз в месяц). В ноябре 2014 г. министерство обороны Китая объявило о создании опознавательной зоны воздушной обороны в Восточно-Китайском море, которая распространяется и на острова Сенкаку. В рамках данного распоряжения было объявлено, что будут предприниматься меры оборонительного характера в отношении любых воздушных судов, находящихся в этой зоне и не отвечающих на запросы или не подчиняющихся приказам (полетный план, заранее направленный в МИД КНР, четкие опознавательные знаки на борту, быстрые ответы на идентификационные запросы). Ситуацию удалось нормализовать только в ноябре 2014 г., когда Си Цзиньпин и Синдзо Абэ смогли достичь соглашения из 4 пунктов, суть которого сводилась к предотвращению сползания к конфликту в острой военной фазе и сохранению статус-кво. Ни о каком преодолении территориального спора речи пока не идет. В 2018 г. китайские корабли вновь начали активно входить в прибрежные воды и приближаться к островам Сенкаку, что вызвало протесты со стороны Токио. Это грозит новым обострением ситуации [Там же].

Еще одна важная проблема, являющаяся непосредственной угрозой военной безопасности в Северо-Восточной Азии, — проблема принадлежности южных Курильских островов, или Проблема северных территорий, как ее называют в Японии. Это территориальный спор между Россией и Японией, который не урегулирован со времен Второй мировой войны. После ее окончания все Курильские острова были включены в состав СССР, однако принадлежность островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи оспаривается Японией. Площадь спорных территорий — 5 тыс. кв. км, с 200-мильной экономической зоной. История данного спора началась еще в XIX в., когда 7 февраля 1855 г.

Россия и Япония подписали первый в истории двух стран межгосударственный документ — Симодский трактат о торговле и границах. Граница по нему устанавливалась между островами Итуруп и Уруп. К Японии отходили острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, а остальные признавались российскими владениями. При этом не был урегулирован статус острова Сахалин. В 1875 г. был подписан Петербургский договор, по которому Россия уступала Японии все 18 Курильских островов в обмен на полный контроль над островом Сахалин. А в 1905 г., после подписания Портсмутского мирного договора (по итогам русско-японской войны), Россия уступала Японии и южную часть Сахалина. После капитуляции Японии, 29 января 1946 г., меморандумом № 677 главнокомандующего союзных держав генералом Дугласом Макартуром из территории Японии были исключены Курильские острова. А 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско был заключен мирный договор между союзниками и Японией, согласно которому последняя отказалась от всех территорий, которые получила 5 сентября 1905 г. по Портсмутскому договору. При этом, согласно официальной точке зрения Японии, 4 оспариваемых острова в состав Курильских островов не входили, и от них Страна восходящего солнца не отказывалась. Так как в договор не была внесена поправка о признании суверенитета СССР над Сахалином и Курильскими островами, советская сторона договор не подписала. 19 октября 1956 г. между двумя странами была подписана Московская декларация, которая прекращала состояние войны, восстанавливала дипломатические отношения, а также устанавливала согласие Москвы на передачу Токио островов Шикотан и Хабомаи после заключения мирного договора. Однако, под давлением США Япония отказалась от подписания договора на таких условиях.

СССР на протяжении всего послевоенного периода не признавал наличие территориального спора. И только Михаил Горбачев 18 апреля 1991 г., в ходе визита в Японию, признал наличие территориальной проблемы. В 2004 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в преддверии визита Президента РФ в Токио заявил, что Россия признает Декларацию 1956 г. как существующую и готова вести переговоры о территориальном урегулировании на ее базе. Однако японская сторона на компромисс идти не захотела. Ситуация обострилась в 2009 г., когда премьер-министр Японии Таро Асо в ходе заседания парламента назвал Южные Курилы «незаконно оккупированными территориями», и в том же году парламент этой страны принимает поправки к закону «О специальных мерах по содействию решения вопроса Северных территорий и подобных ему», в которых содержится положение о принадлежности Японии четырех оспариваемых островов. На это последовали протесты от российской стороны. С 1982 г. в Японии 7 февраля проводится День северных территорий. В 2010, 2012 и 2015 гг. Дмитрий Медведев неоднократно посещал спорные острова. В 2011 г. секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев также посетил Южно-курильские острова и провел там совещание, а чуть позже было принято

решение создать на Кунашире и Итурупe два военных городка. В 2017 и 2018 гг. в ходе переговоров Владимир Путин и Синдзо Абэ договариваются о совместной хозяйственной разработке Южно-курильских островов и о приверженности необходимости заключения мирного договора. Стороны пытаются найти компромиссное решение данного вопроса, так как улучшение экономических и политических отношений необходимо обеим странам. Однако какова «дорожная карта» этого процесса на данный момент, не совсем ясно [8].

Еще одним территориальным спором в Северо-Восточной Азии являются разногласия между Японией и Республикой Корея по поводу принадлежности островов Токто. Острова Токто – это два крупных острова (Содо и Тондо) и 35 маленьких островов (скалы) в западной части Японского моря. Площадь островов составляет 180 тыс. кв. км. Постоянное проживание людей на островах практически невозможно без поставок с суши. На данный момент там несут службу 32 сотрудника южнокорейского полицейского отделения и три смотрителя маяка. Недалеко от островов Токто были найдены значительные запасы газогидратов, которых хватит, чтобы полностью удовлетворять потребности всей Республики Корея в течение 30 лет. Помимо этого, акватория вокруг островов богата рыбой и морепродуктами. Острова одновременно относятся и к южнокорейскому уезду Уллын, и к японской префектуре Симанэ [9].

Острова были включены в состав Японии 22 февраля 1905 г., за пять лет до захвата самого Корейского полуострова. После этого острова остались частью префектуры Симанэ, а не корейского генерал-губернаторства. После поражения во Второй Мировой войне одним из условий заключения мирного договора между странами-победительницами и Японией было прекращение японского суверенитета над территориями, объявленными японскими колониями (о чем было сказано выше). Главный аспект, который не находит своего разрешения, заключается в том, прекращен ли суверенитет Японии над островами так же, как и над другими территориями, к числу которых относится Республика Корея. Решение о прекращении суверенитета Японии над территориями колоний было прописано в Инструкции № 667/1 от 29 января 1946 г., изданной от имени Верховного Командования оккупационных союзных сил, однако Сан-Францисский мирный договор (8 сентября 1951 г.) обходит этот пункт стороной. На данный момент острова Токто де-факто находятся под контролем Сеула. Однако это не мешало изданию в Японии серии учебников по географии, где острова были обозначены как территория Японии. Реакция Республики Корея была однозначной: был отозван посол из Токио. Такой же бурной была реакция Японии на посещение островов Президентом Республики Корея Ли Мен Баком 10 августа 2012 г. – был отозван уже посол Японии в Республике Корея.

Республика Корея отказывается идти на какие-либо компромиссы в данном вопросе, выступает против предложений Токио о передаче данного вопроса на рассмотрение ООН. Одним из аргументов, который приводит южнокорейская сторона, является ссылка

на исторические хроники, в которых описывается ряд островов, принадлежавших корейским государствам. Эти острова интерпретируются как современные острова Токто. Контраргументом Японии является утверждение, что эти данные не являются достоверными. Позиция Токио базируется на факте передачи островов по договору 1905 г. или еще более раннему договору 1895 г. Правительством США был издан отдельный документ, в котором сообщалось, что острова являются японской территорией и носят название Такэсима. И именно этот документ стал одним из основных фундаментальных аргументов Страны восходящего солнца, обосновывающим ее права на острова [Там же].

В последнее время обострился спор между Южной Кореей и Китаем за право обладания рифом Иодо, находящимся в Восточно-Китайском море, в 149 км к юго-западу от южнокорейского острова Марадо и в 287 км к северо-востоку от китайского острова Юйшаньдао. Подводная скала Иодо, находящаяся на глубине 4,6 м от морской поверхности, впервые отмечена на морской карте в 1900 г., когда была обнаружена английским торговым судном «Сокотра». Накануне Второй мировой войны Япония собиралась возвести на скале Иодо маяк высотой 35 м и диаметром 15 м, однако с началом войны в Тихом океане японское правительство вынуждено было отказаться от своих планов [10]. В 1951 г. «Корейское общество альпинистов» совместно с южнокорейским военно-морским флотом опустило на риф бронзовую пластину с надписью «Остров Иодо – территория Республики Корея [11]. В 1952 г. правительство Ли Сын Мана приняло Указ Госсвета № 14, согласно которому в Восточно-Китайском море по 32-й параллели устанавливалась так называемая «Линия мира», в результате чего риф Иодо оказался в зоне ответственности Южной Кореи [12]. В 1970 г. правительство Республики Корея приняло Закон об освоении полезных ископаемых на континентальном шельфе, по которому риф Иодо оказался в числе приоритетных зон проведения изысканий природных ресурсов [13]. В 1984 г. южнокорейские ученые-гидрографы начали изучение подводной скалы. Активные научные изыскания южнокорейской стороны вылились в начало строительства в 1995 г. на Иодо универсальной научной морской базы с метеорологической станцией и взлетно-посадочной площадкой для вертолетов. Это вызвало серьезную озабоченность с китайской стороны и привело к возникновению спора между Китаем и Южной Кореей. В процессе строительства морской платформы китайская сторона неоднократно выражала протест, требуя прекратить возведение станции, на что южнокорейские власти отвечали отказом. После окончания строительства морской платформы в 2003 г. военные самолеты КНР стали регулярно совершать облет южнокорейской морской научной базы, а патрульные корабли Китая постоянно направлялись в район Иодо для контроля над исключительной экономической зоной. Во избежание накала обстановки две стороны в 2006 г. провели встречу, в результате которой была достигнута договоренность, что данные скалы не возвышаются над поверхностью воды, а потому и не могут быть объектом территори-

альных споров. Несмотря на это, в том же году представитель МИД КНР Цзин Ган выступил против действий южнокорейской стороны, считая, что Южная Корея не имеет права осуществлять односторонние действия в районе, где еще не установлены границы исключительной экономической зоны между двумя государствами. Пытаясь оказать информационное давление на Южную Корею, Министерство морского транспорта Китая в декабре 2007 г. разместило на своем интернет-ресурсе описание рифа Иодо как части китайской эксклюзивной экономической зоны, а на морских картах Китая Иодо был обозначен как часть морского пространства, контролируемого КНР. Действия китайских властей вызвали незамедлительный протест со стороны правительства Республики Корея [14]. Министерство иностранных дел Китая 12 мая 2009 г. подготовило доклад в ООН, в котором ставился вопрос об установлении границ материкового шельфа в Восточно-Китайском море [15]. В конце 2011 г. китайское руководство заявило о своих планах регулярно осуществлять патрулирование в районе острова Иодо. Кроме того, Китай включил остров Иодо в пределы китайских границ. В ответ на это президент Республики Корея Ли Мён Бак заявил, что остров Иодо навсегда останется под контролем Республики Корея. Осенью 2012 г. Китай выразил намерение контролировать район Иодо с помощью беспилотных летательных аппаратов.

Новый виток конфликта наступает в ноябре 2013 г., когда КНР в одностороннем порядке ввела зону опознавания ПВО в Восточно-Китайском море, куда вошла и подводная скала Иодо. Правительство Южной Кореи сразу же официально уведомило китайское руководство, что не намерено признавать введенную Китаем зону опознавания ПВО КНР. В ответ на действия Китая южнокорейское правительство 8 декабря 2013 г. расширило собственную зону опознавания ПВО Республики Корея, включающую риф Иодо. В попытке усилить свое влияние в районе Иодо в январе 2016 г. директор Управления национальной безопасности Республики Корея Пак Ин Ён представил «План по обеспечению безопасности на море». Согласно этому плану для обеспечения и укрепления безопасности Иодо на дежурство в Восточно-Китайском море с апреля 2016 г. заступает новейший и самый большой (водоизмещением 5 тыс. т) сторожевой корабль «Личхонхо» [16].

Помимо исторических фактов, на которые ссылается Китай, китайская сторона, доказывая свои права на подводный риф, считает, что «остров Иодо» является естественным продолжением континентального шельфа, на который Корея не имеет никаких прав, поскольку Иодо располагается в 200-мильной зоне, подконтрольной Китаю. На подобные заявления китайского руководства южнокорейская сторона утверждает, что при определении континентального шельфа и установлении границ исключительной экономической зоны понятие «естественное продолжение суши» не играет на данный момент решающей роли [17]. Южнокорейская сторона считает, что при решении вопроса принадлежности континентального шельфа в Восточно-Китайском море в целом, и «острова Иодо» в частно-

сти необходимо опираться на правовые международные нормы, а не на данные геологического строения морского дна.

Одним из самых острых, сложных вопросов, создающих угрозу безопасности в Северо-Восточной Азии, является вопрос о статусе Тайваня. Китай претендует на суверенитет над островом Тайвань (кит. 台湾). После победы в гражданской войне коммунистов на остров отступило гоминьдановское правительство Китайской Республики под руководством Чан Кайши. Изначально нейтральная к Тайваню позиция Соединенных Штатов Америки резко изменилась после того, как КНР вмешалась в корейскую войну на стороне КНДР, где США действовали на основе резолюции СБ ООН. Ответные действия США привели к фактической невозможности для КНР захватить Тайвань. КНР рассматривает Тайвань и прилегающие острова как часть единого и неделимого китайского государства. Руководство Китайской Республики (Тайваня) также претендует на суверенитет над всей территорией Китая, хотя в последнее время здесь усиливается движение за то, чтобы объявить Тайвань отдельным государством. Тайвань был официальным представителем Китая в ООН до 1971 г. [18].

В конце 1970-х гг., используя обострение отношений между СССР и США из-за ввода советских войск в Афганистан, Пекин установил дипломатические отношения с США, которые ради этого разорвали официальные отношения с Тайванем, хотя и продолжали оказывать ему экономическую и военную помощь.

В 1992 г. китайское руководство, наладившее отношения с США и вставшее на путь рыночных реформ, начало переговоры с Тайванем о мирном воссоединении. Но 11 июля 1999 г. они были прерваны, после того как тайваньский президент Ли Дэньхуэй объявил, что КНР и Тайвань – это «две страны по обе стороны Тайваньского пролива». В 2000 г. президентом Тайваня стал Чэнь Шуйбянь, предложивший провести референдум о независимости острова, после этого китайское руководство стало все более настойчиво призывать к скорейшему решению тайваньской проблемы.

14 марта 2005 г. Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) одобрило закон «О противодействии расколу страны». Этот документ предусматривает право правительства КНР применить все необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности в случае попыток отделить остров Тайвань от Китая, или в случае изменения ситуации, которая может привести к отделению Тайваня от страны, или же если все условия для мирного объединения будут исчерпаны.

Принятый документ, законодательно закрепляющий возможность применения силы, чтобы предотвратить провозглашение островом независимости, является фактически попыткой усилить психологическое давление на Тайвань и склонить его к переговорам о мирном воссоединении на условиях Пекина.

Принятый КНР закон прямо противоречит американскому закону «О безопасности Тайваня», в котором говорится о недопустимости применения силы в интересах решения проблемы единства Китая. Реакция

США была отрицательной, поскольку по этому закону США имеют перед Тайванем обязательство защитить его в случае агрессии. В конце февраля 2005 г., предвидя принятие в КНР этого закона, США убедили Японию включить Тайвань в зону общих стратегических интересов двух стран, которые к тому же состоят в двустороннем оборонном союзе. Государственный секретарь США Кондолиза Райс заявила, что принятый закон повысит напряженность в регионе. К ее словам присоединилась Япония, выразившая серьезную озабоченность принятым законом.

В ответ премьер-министр КНР Вэнь Цзябао призвал США и Японию воздержаться от прямого или непрямого вмешательства в тайваньскую проблему, являющуюся внутренним делом Китая, а председатель КНР Ху Цзиньтао призвал армию готовиться к войне для защиты территориальной целостности Китая.

Никаких попыток решить Тайваньский вопрос силой не последовало. Скорее, наоборот, материковый Китай стал все активнее вовлекать остров в орбиту своих экономических интересов и взаимовыгодного сотрудничества. Так, Китайская Народная Республика за последние 4 года нахождения у власти на острове Гоминьдана (2012–2016) осуществила прорыв в отношениях с Тайванем, и прежде всего в торгово-экономической сфере. Огромное количество тайваньских компаний разного масштаба и направленности интегрированы в экономику КНР, размещенные на материке их производства подпадают под его юрисдикцию. Разорвать это глобальное слияние, даже чисто теоретически, представляется недостижимой задачей в существующих условиях. По крайней мере без неприемлемого для тайваньской стороны ущерба и с исключением разработки проектов силового присоединения острова. Китайские прямые и косвенные инвестиции уже стали безальтернативным элементом экономики «острова», и масштабные радикальные изменения со знаком «минус» будут чреваты глобальным экономическим дефолтом для Тайваня.

Таким образом, Китай все больше интегрирует остров в собственную экономическую систему. Однако он по-прежнему далек от решения вопроса о присоединении острова к матерiku или какой-либо иной альтернативы в разрешении данного очень острого и болезненного для Пекина аспекта территориальной целостности и возвращения китайских территорий [18].

Военные учения и переформатирование вооруженных сил в регионе как фактор дестабилизации в сфере региональной безопасности

Существует еще один фактор, еще одна угроза региональной безопасности в военной сфере. Это увеличение военных расходов, воинских контингентов и вооружений как стран региона, так и внешних игроков на территории государств Северо-Восточной Азии. В первую очередь речь идет о США и о развертывании систем ПРО в Республике Корея и Японии. В начале 2016 г. США и Республика Корея подписали соглашение о размещении системы ПРО в ответ на ракетно-ядерные испытания КНДР, а в сентябре 2017 г., не-

смотря на протесты и манифестации местного населения, начались практические шаги по реализации соглашения. Так, в уезде Сончжу появилась полноценная батарея ПРО США THAAD, состоящая из радара, системы управления и контроля, шести пусковых установок с восемью противоракетами в каждой. Обеспечивают работу систем около 200 солдат и офицеров США, для которых возведена соответствующая инфраструктура. Таким образом, размещение американской системы ПРО в Северо-Восточной Азии стало реальностью. И хотя руководство Республики Корея заявляет о временно характере такого размещения, надо полагать, что это всерьез и надолго.

В конце 2004 г. Япония и США подписали соглашение о сотрудничестве в области создания ПРО, которое предусматривало и обмен секретными технологиями. В Японии размещены американские станции слежения за ракетными пусками.

В декабре 2017 г. правительство Японии одобрило размещение в стране двух американских противоракетных комплексов Aegis Ashore (наземная версия корабельного противоракетного комплекса). Было заявлено, что размещение этих систем позволит адекватно ответить на угрозы, возникшие в связи с северокорейской ракетно-ядерной программой. Система Aegis Ashore станет третьим рубежом противоракетной обороны Японии. Первый рубеж – установленные на эсминцах типа «Конго» корабельные комплексы Aegis, вооруженные ракетами-перехватчиками SM-3 и предназначенные для поражения баллистических ракет на заатмосферных высотах. Второй рубеж – ракеты PAC-3 наземного базирования, предназначенные для поражения ракет после их возвращения в атмосферу Земли. 22 января 2018 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ сообщил, что на территории страны будут размещены системы ПРО США «Иджис Эшор» [19].

Китай и Россия резко выступают против такого развития событий, заявляя протесты против системы ПРО, так как это несет угрозы национальной безопасности как одной, так и другой страны и ведет к изменению расстановки сил в регионе и ухудшению ситуации в сфере стратегической стабильности.

Усиление военного присутствия США в регионе и развертывание системы ПРО вызывают не только протесты со стороны отдельных стран региона, но и ответные действия. Так, все последние годы растет военный бюджет Китая. В 2016 г. он вырос на 7,6%, в 2017 г. – на 7%, в 2018 г. – на 8,1%, до 1,11 трлн юаней (175 млрд долл.). Рост военных расходов Поднебесной наблюдается последние два десятилетия, однако особенно интенсивно именно в последние годы. В абсолютном выражении военный бюджет КНР занимает второе место в мире после оборонного бюджета США. По данным Стокгольмского института проблем развития мира (СИПРИ), доля расходов Китая в общем объеме мировых военных расходов возросла с 5,8% в 2008 г. до 13% в 2017 г.

Соединенные Штаты Америки – страна с самыми высокими военными расходами в мире. В 2017 г. военные расходы США превысили общий объем расходов семи следующих за ними крупнейших военных

экономик мира. По сравнению с 2016 г. расходы США не изменились, составив в 2017 г. 610 млрд долл. «Проявившаяся в 2010 г. тенденция к сокращению военных расходов США ушла, — отмечает Од Флоран, директор Программы вооружений и военных расходов СИПРИ. — В 2018 г. США существенно увеличат военные расходы, чтобы обеспечить увеличение численности военнослужащих и модернизацию обычных и ядерных вооружений». Растут расходы и в соседних с Китаем государствах. В частности, в 2017 г. расходы Республики Корея составили 39,2 млрд долл., что на 1,7% больше, чем в 2016 г.

Впервые с 1998 г. наблюдалось падение военных расходов России: 2017 г. они составили 66,3 млрд долл., что на 20% ниже по сравнению с 2016 г. Это не было обусловлено какими-то политическими причинами — модернизация армии остается приоритетом для России. Однако военный бюджет был ограничен в результате экономических проблем, с которыми страна столкнулась после 2014 г. При этом, даже с учетом такого сокращения, Россия по состоянию на 2017 г. занимает четвертое место в мире с 3,8% от мировых военных расходов (уступив третье место Саудовской Аравии, у которой 4%). При этом Япония в этом списке занимает восьмое место (несмотря на антивоенный характер Конституции и отсутствие в стране вооруженных сил), Республика Корея — десятое место.

В КНР в 2015 г. высшим партийно-государственным руководством была провозглашена военная реформа, которая должна быть реализована к 2020 г. Модернизация Народно-освободительной армии Китая (НОАК) осуществлялась и осуществляется на фоне значительного сокращения ее численности. Известно, что и нынешняя военная реформа будет сопровождаться сокращением численности НОАК на 300 тыс. человек, о чем Си Цзиньпин объявил еще 3 сентября 2015 г. Отмечается, что предстоит значительное сокращение административного персонала, доли некомпатантов. Но сокращение может коснуться и ряда соединений и частей сухопутных войск.

Значительная часть усилий по развитию НОАК приходится на военно-морские силы. Еще в конце 1980-х гг. в КНР была разработана концепция «активной обороны в ближних морях». В соответствии с ней ВМС НОАК должны были приобрести способность обеспечить на определенное время господство в прилегающих к Китаю морях применительно к так называемой первой цепи островов с последующим поэтапным продвижением ко второй цепи островов. В более отдаленной перспективе рассматривалась возможность строительства океанского флота. Только в последние семь-восемь лет у КНР появились возможности по реализации этой концепции. При этом господство на морях внутри первой цепи островов считается необходимым условием для решения проблемы Тайваня. Для этого и предназначаются авианесущие корабли.

Происходящие изменения в военной сфере в Северо-Восточной Азии не могли не отразиться и на политике России, в частности на территории российского Дальнего Востока. В 2017 г. была объявлена, а в 2018 г. начата реализация планов по созданию новой армии на

Дальнем Востоке со штабом на Камчатке. В ее состав перейдут авиационные части, зенитные ракетные и радиотехнические войска. В зону ответственности отделения войдет территория от Северных Курил до острова Врангеля.

Кроме того, одновременно с этим изменится структура авиационных сил. Вместо созданных в 2008 г. аморфных и плохо управляемых авиабаз воссоздаются полки и дивизии. В состав смешанных авиаполков наряду с эскадрильями противолодочных и транспортных самолетов, истребителей, разведчиков и ракетноснайперов войдут подразделения беспилотных летательных аппаратов. Новая армия создается для того, чтобы отслеживать угрозы в своей зоне ответственности и исключить внезапное воздушное нападение. Кроме того, Министерство обороны РФ начало строительство военно-морской базы Тихоокеанского флота РФ на Курильских островах, которая позволит принимать любые корабли, в том числе и первого ранга. Также на Курильских островах будет восстановлена сеть аэродромов — эти работы также будут увязаны с созданием военно-морской базы.

Помимо количественных и качественных изменений в военной сфере в регионе, регулярно проводятся военные учения. Так Россия в последние годы неоднократно проводила военные учения на территории Дальнего Востока, также проводятся совместные учения с КНР. Так, в конце сентября 2017 г. в регионе начались масштабные летно-тактические учения, в которых была задействована штурмовая, истребительная и бомбардировочная авиация Восточного военного округа (ВВО). Задействовано 100% боевого авиапарка округа в Приморье и Хабаровском крае, — сообщали об учениях в пресс-службе ВВО. Были также проведены российско-китайские учения «Морское взаимодействие — 2017». Активная фаза маневров продлилась до 25 сентября в акватории Японского и Охотского морей. В них было задействовано около 15 кораблей и подводных лодок, два глубоководных спасательных аппарата, четыре противолодочных самолета и четыре корабельных вертолета от Тихоокеанского флота и китайских ВМС [20].

Частым явлением стали совместные американо-южнокорейские военные учения. Так, в декабре 2017 г. США и Республика Корея провели самые масштабные совместные военные учения. В этих учениях под названием Vigilant ACE была мобилизована вся авиационная мощь Соединенных Штатов. За пять дней учений, с 4 по 8 декабря 2017 г., у США и РК были мобилизованы около 230 воздушных боевых единиц. Также проводятся учения Freedom Guardian (начиная с 1976 г.) — одни из крупнейших военных учений как между двумя странами, так и в целом в регионе. В 2017 г. в учениях приняли участие более 20 тыс. военнослужащих США и более 50 тыс. южнокорейских военных.

Военные учения «Токсури — Фоул игл» США и Республики Корея с участием 13,5 тыс. американских военнослужащих были начаты 1 апреля 2018 г. А 23 апреля 2018 г., несмотря на протесты Пхеньяна, была начата новая совместная военная операция Key

Resolve, проводящиеся ежегодно. Предыдущие учения Key Resolve проводились в марте как часть военных маневров, но в этом году они были отсрочены из-за проведения Олимпиады-2018 в Пхёнчхане. Задействованы до 12,2 тыс. американских солдат с военных баз в Южной Корее и из-за рубежа [21].

Однако с началом переговорного процесса между Дональдом Трампом и Ким Чен Ыном военные учения были приостановлены на период проведения переговоров о денуклеаризации. Было также объявлено о приостановке учений Freedom Guardian, запланированных на август 2018 г., также временно заморожены две программы обмена в рамках сотрудничества военно-морских ведомств Республики Корея и США, запланированных на вторую половину 2018 г.

Также на регулярной основе проводятся совместные военные учения США и Японии (в двухстороннем или трехстороннем форматах – с привлечением Республики Корея). Так, в трехстороннем формате проводились ракетные учения в октябре 2017 г. в водах корейского полуострова, которые продолжались двое суток, а в декабре 2017 г. были проведены двухдневные военно-морские учения (также в трехстороннем

формате). Маневры проходили в водах близ Японии и Корейского полуострова.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что существующие угрозы не исчезли (как уже начало казаться в 1990-е гг.) и не отошли на второй план (как представлялось в 2000-е гг.), скорее, они видоизменились с учетом специфики времени и стали еще более опасными и непредсказуемыми. Уровень угроз военной безопасности остается очень высоким, и они являются даже не потенциальными, а реальными. Северо-Восточная Азия – одна из наиболее сложных и взрывоопасных частей мирового пространства, способная в один миг ввергнуть в региональный или глобальный конфликт большинство мировых держав. Это предопределяет необходимость повышенного внимания к проблемам и угрозам военной безопасности региона. С окончанием холодной войны военные угрозы не исчезли, они только трансформировались, стали менее акцентированными. Однако при этом – и менее предсказуемыми, и почти неуправляемыми. Добавляет состояния неопределенности и отсутствие необходимой (должной) институциональной среды, каковая есть в других регионах мировой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономика КНДР // Мировая экономика. URL: <http://www.ereport.ru/> (дата обращения: 05.04.2018).
2. UN Documents for DPRK (North Korea). URL: <http://www.securitycouncilreport.org/un-documents/dprk-north-korea> (accessed: 06.04.2018).
3. Kesling B. Trumps North Korea Obstacle: Sanctions Are Unevenly Enforced // Wall Street Journal. 2017. 25 April. URL: <http://www.wsj.com> (accessed: 07.04.2018).
4. Ким Чен Ын во время визита в Китай заявил о готовности к денуклеаризации КНДР в обмен на гарантии США. URL: <http://m.newsru.com> (дата обращения: 13.04.2018).
5. Путин: Ким Чен Ын – грамотный политик, решивший свою задачу. URL: <http://regnum.ru/news/2366562.html> (дата обращения: 08.04.2018).
6. Спортсмены Северной и Южной Кореи прошли как одна команда на церемонии открытия Олимпийских игр. URL: <http://dni24.com> (дата обращения: 09.04.2018).
7. Дикарев А.Д. Китай–Япония : территориальный конфликт или региональная кооперация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (5). С. 162–171.
8. Киреев А.А. Российско-японские отношения вокруг Южных Курил: история, современное состояние, варианты развития // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 35–48.
9. Севастьянов С.В., Кравчук А.А. Территориальный спор между Японией и Республикой Корея: аргументы сторон и перспективы разрешения // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 25–35.
10. Иодо // Кёянъ синмун. 2008. 20 авг. № 892. URL: <http://www.mygoyang.com/news/quickViewArticleView.html?idxno=20114> (дата обращения: 22.08.2016).
11. Иодо квахак кичжиг чунын кёхун (Уроки, которые дает научно-исследовательская база на острове Иодо) // Диджитал таймс. 2013. 03 дек. URL: http://www.dt.co.kr/contents.html?article_no=2013120402012351607001 (дата обращения: 10.08.2016).
12. Инчжоп хэянъ-е тэхан чуквон-е кванхан сонон : Кунъмувон чеси чесипса-хо (Декларация о суверенитете над прилегающими морскими водами : Указ Госсовета № 14). Сеул : Куккакироквон, 1952.
13. Хэжчо кванъмунъ чавон кэбальпоп сихэньнёнъ (че самсипчхиль-хве) (Указ об исполнении «Закона об освоении полезных ископаемых на континентальном шельфе» (№ 37)). Сеул : Кукка кироковон, 1970.
14. Правительство отреагировало на утверждения Китая о принадлежности рифа Иодо // KBS World Radio. 08.08.2008. URL: <http://world.kbs.co.kr/russian/news/> (дата обращения: 13.11.2015).
15. Ханчжунъ Иодо ёньюквон пунчжэнь пульпунна (Разгорится ли спор между Республикой Корея и Китаем за право юрисдикции над Иодо?) // Ёнхап. 2009. 13 мая.
16. Чонъбу, Иодо хэёге очхонгып кёнъби хамчжонъ пэчхи (Правительство заявляет о размещении в районе Иодо сторожевого корабля водоизмещением 5 000 т) // Дэйли Хангук. 2016. 26 янв.
17. Пэк Чжин Хён. Хэянъ кёнъге хвекчонъ пёнчхонгва Ханбандо хэёге кёнъгемунъже (Изменение демаркации морских границ и проблемы морских границ Корейского полуострова) // Хэянъ чонъчхэк ёнгу (Исследования морской политики). 1991. Вып. 6, № 1. С. 31.
18. Киреева А.А. Тайваньский вопрос // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М. : Аспект Пресс, 2019. С. 79–118.
19. Американской ПРО нашлось место в Японии. Кабинет министров страны одобрил создание третьего рубежа обороны // Коммерсант. 2017. 20 дек.
20. В военных учениях Китая и России увидели плохой знак для США. URL: <http://mk.ru/politics/2021/08/11> (дата обращения: 25.09.2021).
21. Южная Корея и США могут отложить военные учения до конца Олимпиады. URL: newsnn.ru/news/world/30-11-2017 (дата обращения: 25.09.2021).

Evgenii V. Gamerman, Institute of Complex Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Birobizhan, Russian Federation). E-mail: egamerman@mail.ru

THREATS OF MILITARY SECURITY IN NORTH-EAST ASIA AT THE PRESENT STAGE

Keywords: North-east Asia, China, military security, security threats, the "Korean Question", territorial disputes, military exercises, regional security, USA, Russia.

In the 1990s-2000s after the end of the Cold War and the collapse of the bipolar system it began to seem that the global military confrontation between the two powers left behind and that in the conditions of globalization and interdependence of all states from each other, it was impossible to return to the old rhetoric of the 20th century. However, since the second decade of the twenty-first century, it has become obvious that the logic of political realism, the solution of pressing foreign policy tasks from the point of view of purely national interests, still exists today. Even 10 years ago, many experts were skeptical about military security threats, focusing on non-traditional threats, non-military, economic, etc. Today, the issues of traditional, military security have been again topical on the agenda. Within the framework of this article, the problem of threats to military security in Northeast Asia is considered. The article is based on sources and materials available in open sources of information.

The purpose of this work is to analyze modern threats to military security in Northeast Asia. The subregion of Northeast Asia due to its geopolitical, economic and institutional uniqueness has never lost the urgency of military threats even when on a global scale it seemed that they were outdated. The article analyzes the current territorial disputes in the region, and investigates one of the most pressing problems – the problem of North Korea's nuclear program. In addition, aspects such as frequent military exercises and the reformatting of military formations in the region were also reflected in the work.

The author concludes that the current level of threats to military security is very high, and that these threats are actual. Northeast Asia is one of the most complex and explosive parts of the world space, capable of instantly plunging most of the world powers into a regional or global conflict. In addition, the author focuses on what adds a state of uncertainty and the absence of the proper institutional environment, which is observed in other regions of world politics.

REFERENCES

1. Ereport.ru. (n.d.) *Ekonomika KNDR* [Economy of the DPRK]. [Online] Available from: <http://www.ereport.ru/> (Accessed: 5th April 2018).
2. UNO. (n.d.) *UN Documents for DPRK (North Korea)*. [Online] Available from: <http://www.securitycouncilreport.org/un-documents/dprk-north-korea> (Accessed: 6th April 2018).
3. Kesling, B. (2017) Trumps North Korea Obstacle: Sanctions Are Unevenly Enforce. *Wall Street Journal*. 25th April. [Online] Available from: <http://www.wsj.com> (Accessed: 7th April 2018).
4. Newsru.com. (n.d.) *Kim Chen Yn vo vremya vizita v Kitay zayavil o gotovnosti k denuklearizatsii KNDR v obmen na garantii SShA* [Kim Jong-un, during his visit to China, announced his readiness for the denuclearization of the DPRK in exchange for US guarantees]. [Online] Available from: <http://m.newsru.com> (Accessed: 13th April 2018).
5. Regnum. (2018) *Putin: Kim Chen Yn – gramotnyy politik, reshivshiy svoyu zadachu* [Putin: Kim Jong-un is a competent politician who has solved his problem]. [Online] Available from: <http://regnum.ru/news/2366562.html> (Accessed: 8th April 2018).
6. Dni.com. (n.d.) *Sportsmeny Severnoy i Yuzhnoy Korei proshli kak odna komanda na tseremonii otkrytiya Olimpiyskikh igr* [Athletes 9th April 2018].
7. Dikarev, A.D. (2017) *Kitay–Yaponiya: territorial'nyy konflikt ili regional'naya kooperatsiya?* [China-Japan: territorial conflict or regional cooperation?]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 10(5). pp. 162–171.
8. Kireev, A.A. (2017) *Rossiysko-yaponskie otnosheniya vokrug Yuzhnykh Kuril: istoriya, sovremennoe sostoyanie, varianty razvitiya* [Russian-Japanese relations around the South Kuriles: history, current state, development options]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4(36). pp. 35–48.
9. Sevastyanov, S.V. & Kravchuk, A.A. (2017) *Territorial'nyy spor mezhdu Yaponiei i Respublikoy Koreya: argumenty storon i perspektivy razresheniya* [Territorial dispute between Japan and the Republic of Korea: arguments of the parties and prospects for resolution]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4(36). pp. 25–35.
10. *Kyoyang sinmun*. (2008) Iodo. 20th August. [Online] Available from: <http://www.mygoyang.com/news/quickViewArticleView.html?idxno=20114> (Accessed: 22nd August 2016).
11. *Digital Times*. (2013) Iodo kwahak kijijiga chuneung kyohun [Lessons from the research base on the island of Iodo]. 3rd December. [Online] Available from: http://www.dt.co.kr/contents.html?article_no=2013120402012351607001 (Accessed: 10th August 2016).
12. South Korea. (1952) *Injeop heyang-e taehan chukwon-e kwanghan seongon: Gungmuwon chesi cheesipsa-ho* [Declaration of Sovereignty over Adjacent Sea Waters: Decree of the State Council No. 14]. Seoul: Kukkakirokwon.
13. South Korea. (1970) *Haejo kwangmul chawon gaebalpop shihennyong (je samsi-chil-hwe)* [Decree on the implementation of the Law on Mineral Development on the Continental Shelf (No. 37)]. Seoul: Kukka Kirokwon.
14. *KBS World Radio*. (2008) *Pravitel'stvo otreagirovalo na utverzheniya Kitaya o prinadlezhnosti rifa Iodo* [The government responded to China's claims about ownership of the Iodo Reef]. 8th August. [Online] Available from: <http://world.kbs.co.kr/russian/news/> (Accessed: 13th November 2015).
15. *Enkhap*. (2009) *Hangzhun Iodo yongyukwon punzhen pulpunna* [Will the dispute between the Republic of Korea and China over the right of jurisdiction over Iodo flare up?]. 13th May.
16. *Daily Hanguk*. (2016) Jeongbu, Yodo haeg ochhongyp gyeonbi hamjeon baechhi [Government announces deployment of 5,000 ton patrol ship in Iodo area]. 26th January.
17. Baek Jin Hyun. (1991) *Heyang kyong'e hwekchon pyeongchongwa Hanbando hyeogy gyeongyemunje* [Change in maritime boundary demarcation and maritime boundary issues of the Korean Peninsula]. *Heyang jeongchaek yonggu*. 6(1). p. 31.
18. Kireeva, A.A. (2019) *Tayvan'skiy vopros* [The Taiwan issue]. In: Torkunov, A.V. & Streltsov, D.V. (eds) *Transformatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy v Severo-Vostochnoy Azii i natsional'nye interesy Rossii* [Transformation of international relations in Northeast Asia and Russia's national interests]. Moscow: Aspekt Press. pp. 79–118.
19. *Kommersant*. (2017) *Amerikanskoy PRO nashlos' mesto v Yaponii. Kabinet ministrov strany odobril sozdanie tret'ego rubezha oborony* [American missile defense found a place in Japan. The Cabinet of Ministers of the country approved the creation of the third line of defense]. 20th December.
20. MK.ru. (n.d.) *V voennykh ucheniyakh Kitaya i Rossii uvideli plokhoi znak dlya SShA* [The military exercises of China and Russia were seen as a bad sign for the United States]. [Online] Available from: <http://mk.ru/politics/2021/08/11> (Accessed: 25th September 2021).
21. Newsnn.ru. (2017) *Yuzhnaya Koreya i SShA mogut otlozhit' voennye ucheniya do kotsa Olimpiady* [South Korea and the US may postpone military exercises until the end of the Olympics]. [Online] Available from: newsnn.ru/news/world/30-11-2017 (Accessed: 25th September 2021).